

житейском, усиливая картины их бедствий и беззащитности, выступая как одно из главных обозначений жизненных страданий.

«Без меня жена моя и дети, сидя на земле у огня, дочь с матерью — обе плачут» (стр. 47); «Пестуны, ко мне приходя, плачут» (стр. 33); «Кормлю их (казаков); и оне бедные и едят и дрожат, а иные глядя плачут на меня» (стр. 22); «И все плачут и кланяются» (стр. 33); «Сидя, жене плачущей и детям, говорю» (стр. 37); «Плачючи кинулся мне в карбас» (стр. 39); «С рыданием плачуще и сокружающе мое сердце, далече нас провожали» (ред. В., стр. 164); «Плачють, миленькие, глядя на нас, а мы на них» (стр. 41); «Умному человеку поглядеть, да лише заплакать, на них глядя» (стр. 60); «Всех домашних человек с тритцеть... рыдают и плачут» (стр. 68, ср. стр. 69); «И она... плачючи говорит» (стр. 78); «Села да плачет; есть ей дают: не ест» (стр. 77); «Воевода от них мятежников боялся, лишо плачет на меня глядя» (стр. 173), ср. о себе самом: «Я лишо в окошко глядя поплакал на него».

Всем истинным «духовным детям» Аввакумом дан был дар слез. Федор «стоя часа с три плачет: ...егда уж наплачется гораздо, тогда ко мне приступит» (стр. 56). Но особенно «Афонасьюшко миленькой» «плакать зело же был охотник: и ходит и плачет. А с кем мольт — и у него слово тихо и гладко, яко плачет» (стр. 57).

Любопытно, что из «врагов божьих», из противников Аввакума глагольная форма «заплакал» применяется лишь однажды к Пашкову, и то перед тем, как произнести ему речь Иуды.

В этом обилии слез, характеризующем мир «святых», в этих указаниях на их «слезы» и «плач» в стиле Аввакума был заложен глубокий религиозно-символический смысл. Это один из приемов словесного оформления мира в аспекте церковно-славянской фразеологии и символики. Характеристический внутренний смысл выражений «слезы», «плакаться», «плакать» удобнее раскрыть, обратившись к «Книге толкований и нравучений». Здесь Аввакум в таком виде развивает образ Псалтыри (XII, 3—4) «быша слезы моя хлеб день и ночь»: «...с каковым тцданием пророк являшеся пред бога и приходяше со жаждою, яко елень ко источнику, питаяся слезами день и ночь. Сице и нам подобает молитися и также слезами питатися, понеже и Христос плакався Иеросалима, также и на Лазарем, научая нас слезными струями измыватися и питатися» (стр. 448).

Способность «плакать», «питатися слезами», «слезными струями измыватися» органически входит в образ истинного христианина. Об этом Аввакум говорит, рисуя маску сатаны: «Исперва будет казатися людем кроток и смирен, и милостив, и человеколюбив: слово в слово, как Никон, ближней предтеча его, плакатель гораздо. Я ево высмотрил дияволова сына до мору-тово еще, — великой обманщик, блядин сын! Как-то при духовнике-том, Стефане, вздыхает, как-то плачет, овчеобразный волк... А мир-от слепой хвалит: государь такой-сякой, миленкой, не бывал такой от веку!..» (стр. 460—461).

Развитие церковно-книжного смысла слов «плач», «плакать», «слезы» воплощается в образе «плачевного жития»: «Аще кто не вкусит горести здесь, не имать получить сладости тамо. Всяк бо родится на плач, яко же младенец, родышеся от матери утробы, свидетельствуют, заплачет, из утробы изшед, являя плачевное житие... аще и кратко се житие, но исполнено мятежа и всяких хлопот; будущий же век — веселие и радость без конца, ея же получат терпяшии здесь» (стр. 483—484). Ср. в письме боярыне Морозовой тот же словесный ряд с дополнениями: «Дни наши не радости, но плача суть...» (стр. 318).